



Сапсан

Гончаров Л.

...В лесу еще совсем темно. Слышно, как где-то нежно журчат ручьи. Безлюдно разлеглось в котловине огромное моховое болото, кольцом окруженное лесом Веринского урочища. Болота поросли сосняком. Сосенки чахлы и жидки и, насколько видит глаз, все одинаковой высоты, точно подстриженные. Среди болота возвышаются песчаные гряды: Цыгановская, Складановская, Зеленый остров.

Лежа на дне ямы, я переживаю безмолвный предрассветный час.

Быстро светает, — болото курится молочным туманом, а неподалеку раздается какой-то странный хохот. Это проснулись самцы белых куропаток, и по их брачной песне, точно по сигналу, ожило болото. В небе заблел барашек-бекас. От Цыгановской гряды донесся журавлиный крик. Дробясь о заслоны леса, долго перекачивается над болотом этот мощный трубный голос. Вдруг что-то с шумом пронеслось над лесом, еще быстрее мелькнула вслед легкая тень, и бурно всплеснулись тихие воды лесного озера. На воде распластался кряквовый селезень; над ним стоял в воздухе сапсан. Хищник промахнулся; забирая все выше, он полетел в сторону. Через минуту он снова молнией сверкнул сверху вниз над болотом и точно вихрем смял кроншнепа, неторопливо летевшего с полей. Забыв про ружье, я, не отрываясь, следил за искусством хищника. Заметивший меня селезень, все еще боясь взлететь, быстро отплыл к противоположному берегу, а к тому месту, где спустился с добычей сапсан, с криком летел второй, более крупный — самка. Значит, где-то здесь будет гнездо.

...Жаркие летние дни. Сухой сфагновый мох, стволы и темная хвоя болотных сосен так нагрелись, что от них пышет зноем. Багульник пахнет одуряюще; предательски блестят, точно роса, капли сока на волосках насекомоядного растения — росянки. За первую половину дня мы нашли немало выводков тетеревов и белых куропаток, но сегодня они мне не нужны: я ищу гнездо сокола. Мы устали все четверо: и я, и собака, и два сапсана, все время с криком летавшие за мной... Слабый ветерок, не освежая, чуть тянет порывами. Собака, ловя чутким носом его струю, тихо идет вперед. Она что-то чувствует. Не доходя до группы низких, чахлых сосенок, останавливается и напряженно замирает. Усталость забыта, бегу вперед и вижу, как на собаку стрелой бросаются сверху один за другим оба сокола. Не долетев до нее на какой-то метр, они с шумом взмывают вверх, чтобы вновь молниеносным «пике» начать атаку. Собака озадачена, она отступает и недоуменно поглядывает на меня.

Подбежав к сосенкам, вижу сидящих прямо на мху трех крупных птенцов. Они еще в пуху. На взрослых они не похожи ничем, кроме крутого клюва и черных глаз. Когда я подхожу вплотную, они один за другим падают на спины, выставив навстречу когтистые лапы, которые то растопыриваются, то сжимаются в забавные кулачки... Сапсаны провожают меня далеко и затем улетают к оставленным среди болота молодым. Первым улетает самец.

Служебные дела задержали меня в городе. Неделей позже, чем предполагал, я вышел из вагона на маленьком блокпосте и зашагал к синевшему вдали Радомскому мху. На болоте ничто не изменилось. По-прежнему надоедали слепни, искрились росянки, кружил голову багульник, но на знакомом месте не было крутоклювых птиц. Птенцы оперились и улетели, — я опоздал.

По выходным дням в Смоленске за Днепром бывает птичий рынок. Еще в школьные годы я ходил туда каждое воскресенье. Здесь и взрослые, и ребята. На гвоздях, вбитых в забор, висят клетки. В клетках желто-зеленые

зеленушки, пестрые щеглы, пухлые снегири, чечетки, чижи. Точно маленький бубенчик, звенит песенка синички-лазоревки. В покрытых сетках-корзинах сидят кролики, морские свинки, воркующие пестрые голуби. Многие приходят сюда просто потолкаться, посмотреть, потолковать с многочисленными знакомыми. Как всегда, поднимаются беззлобные споры: какой чиж скорее запоет, чей лучше щегол? Склонившись к нему, и молодежь, и старики внимательно, будто невесть какое важное дело делают, считают на перьях хвоста белые пятна. Шесть перьев с пятнами — «шестерик», старый голосистый щегол. Четыре — «четверик», это так, дрянь, трескун. Говорят, бывают щеглы «восьмерики», но таких я не видал.

Изредка здесь появляются и более редкие птицы: пуночки, свиристели, а в некоторые годы — красные щуры и белокрылые клесты. Вот в поисках этих редких птичек и захожу я на птичий рынок. Да, если уж признаться, тянет туда послушать бесхитростные, но увлекательные рассказы о птицах, полюбоваться шумным взлетом голубей. Давно миновали школьные годы, но вместе с крепко запавшей в сердце любовью к природе осталась и старая привязанность к птичьему рынку.

Как всегда при встрече, долго, с улыбкой трясет мне руку седой птицелов Захарыч. Когда-то он здоровался со мной с покровительственным видом, теперь — как с равным. Обдавая меня морозным паром дыхания, он заговорщически сообщает на ухо, что вчера видел щура, и он, так и быть, по-дружески поймает для меня одного-двух. Между прочим, Захарыч говорит, что голубятникам житья не стало: вот уже вторую неделю бьет по всему Смоленску голубей какой-то ястреб. Живет будто бы он на соборной колокольне.

— Ты обожди до конца: как голубей выпускать станут, он вмиг явится.

Но обождать до конца не хватало сил. Ноги уж ничего не чувствовали от холода, когда я, почти бегом, направился домой. Прикрываясь воротником от студеного ветра, иду по мосту через Днепр и вдруг слышу неистовые крики и свист ребят. Над рекой, в белых хлопьях снега, падал вниз голубь, а за ним рассекала воздух быстрая темная птица. Мне ль не узнать ее! Вцепившись руками в холодные перила, не чувствуя жгучего ветра, я забыл обо всем. Преследователь, ударив голубя над самой водой, чуть сам не опустился в нее с размаху и косо взмыл вверх. Голубь, по-видимому, убитый насмерть, четко выделяясь на темно-свинцовой воде белым пятном, плыл по течению, а над ним, опустив лапы, как бы висел в воздухе сапсан. Несколько раз сокол делал попытки схватить голубя, но крики и свист бежавших по берегу ребят, видимо, мешали ему. Наконец, он начал набирать высоту и направился к собору.

Вновь и вновь обхожу вокруг собора. Ветер здесь еще сильнее, — он поднимает вместе со снегом пыль и крутит так, что не поймешь: с какой же стороны он дует. Пробирает до костей. Пальцы стынют от металла мелкокалиберной винтовки.

Вечереет. Над городом, низко стелясь к крышам, стаями и стайками спешат на ночевку галки. Тяжело размахивая крыльями, вместе с ними или в одиночку летят вороны. Мне видно с горы, как темнеют вершины деревьев от массы насевших на них птиц. Временами птицы слетают, кричат, кружатся и усаживаются на старые места: вороны молча, галки — с торопливым разговором. Три запоздавшие черные птицы быстро проносятся мимо. Тогда точно дуло ветром на них от золоченных темнеющих куполов собора. Я не успел опомниться, как хищник, неся в когтях убитую галку, уселся на узкий карниз высоко над землей и почти слился с ним. Много раз начинал я прицеливаться, но очертания птицы расплывались в полумраке. Для верного выстрела было слишком темно. Уходя, я часто оборачивался. В потемневшей громаде собора было теперь много заманчивого для меня.

На другой день я опять здесь, опять — однотонные серые стены собора, множество всяческих карнизов и на одном из них — красивый хищник. Сапсан сыт, и стаи голубей, то и дело взлетающие с хлопаньем крыльев, спокойно уносятся вдаль. Сгорбленный хищник неподвижен.

Мушка в просвете прицельной рамки медленно ползет вверх по стене. Ветер дует порывами, и от них сбивается винтовка; это значит, что нельзя быть уверенным в результате выстрела... Выстрел щелкнул слабо, чуть слышно, и тотчас увидел я маленькое белое облачко разбитой штукатурки, появившееся у самых лап птицы. Она слетела против ветра; точно играя, взмыла вверх и повисла над крестами собора. Скоро она снова снизилась и застыла на карнизе под другим куполом, грудью ко мне.

Теперь мушка чуть дрожит на середине груди, там, где начинаются поперечные полосы. Выстрел — и ухо сразу улавливает звук тупого удара пули, будто по подушке. Сапсан качнулся, взмахнул крыльями, сорвался с карниза...



Сапсан

Закреть окно